

Трибуна зарубіжного автора

САЛОХИН Н. П.,

канд. филос. наук, доцент, профессор кафедры
«Государственное, муниципальное управление
и таможенное дело»,
директор «Независимого исследовательского
центра «Социум»
(Омский государственный технический
университет)

**САМОУПОРЯДОЧЕНИЕ И САМООРГАНИЗАЦИЯ
В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РОССИИ**

Произведен анализ практики управления и самоуправления в посттоталитарной России, процесса утверждения нелинейного и неравновесного культурного кода системы управления, процесса становления культуры управления постиндустриального типа. Определено действие единицы социальной системы прогресса. Доказано, что условием эффективного управления и успешного индивидуального и общественного развития становится обеспечение для всех граждан равного доступа к достоверной информации.

Ключевые слова. Практика управления и самоуправления, субъект управления, культура управления, единица социального, субъект-объектные связи, самоорганизация, самоуправление.

The paper examines the government of a state practice and self-government in post-totalitarian Russian. It also analyzes the process of authorization of nonlinear and non-equilibrium cultural code of control system as well as the process of becoming management culture of post-industrial type.

The author defines the impact of the unit of the social system of progress. It is proved that effective management conduction, effective individual and community development is possible on providing equal access of all citizens to reliable information.

Key words: government of a state practice and self-government, management subject, social unit, subject and object relations, self-organization, self-government.

Введение. Россия, заявив об отказе от тоталитарной социальности, два десятилетия назад прокламировала намерение осуществить постиндустриальный проект. Государственность нового типа призвана сочетать в себе демократизм развитых гражданских институтов, эффективность социально ориентированной рыночной экономики и динамизм самоуправления единицы общества, способной реализовать себя как равномогущий и равноответственный субъект развития. Решение указанных задач требует утверждения содержательно иной парадигмы руководства социальными процессами и формирования единицы общества, обладающей персонифицированной культурой управления.

Постановка задачи. Цель статьи – конкретизация государственности нового типа, эффективности социально ориентированной рыночной экономики и динамизма самоуправления единицы общества, способной реализовать себя как равномогущий и равноответственный субъект развития.

Результаты исследования. Постиндустриальная система управления, как

соответствующая содержанию социального контекста, должна быть субъект-субъектной и нелинейной, что предполагает решительное изменение всей культуры управления. Формирование культуры управления не является изолированным процессом и происходит в неравновесной социальной среде, испытывающей длительное воздействие разнонаправленных гносеологических схем как посттоталитарно-авторитарного характера или либерально-монетаристских, так и рационально-правовых и гражданско-демократических. Последние из них направляют общество по пути прогресса, демонстрируя перманентное гносеологическое расширение. Как результат взаимодействия и взаимовлияния различных факторов детерминации культура управления с неизбежностью трансформирует единицу общества и утверждает полисубъектность социальных связей.

Стремление посттоталитарной России стать эффективным элементом глобальных отношений эпохи постмодерна требует изменений не только общегосударственной парадигмы управления, но и создания качественно иных оснований развития общества, что утверждает приоритеты самоупорядочения, самоорганизации и саморазвития социума. Базовым элементом движения к социальности демократического типа должен стать активный режим постоянного диалога власти и общества в рамках разнообразных субъект-субъектных коммуникаций и отношений равнозначности и равноответственности сторон.

Логика прокламируемых в современной России преобразований демонстрирует острую потребность утверждения гражданских институтов, обладающих способностью к самоорганизации и саморазвитию. В изменяющихся условиях индивид и социум обязаны активно и гибко реагировать на вызовы времени, ответственно и на основании собственных ресурсов устраивая собственную судьбу и определяя собственное будущее. В рамках перманентных процедур саморазвития, которые постоянно корректируются и реконструируются, на основании предварительных смысловых схем интерпретирующих действительность, индивид не только воспринимает происходящее, но и организует собственную жизнь. Спонтанные инициативы граждан по изменению социальных отношений и качества единицы общества нередко не удовлетворяют регламент онтологии верховного властного субъекта. Субъект государственного управления, не дожидаясь утверждения социального равновесия, внешним воздействием стремится преобразовать индивида и социум в соответствии с собственными гносеологическими схемами. Обращенное в тоталитарное прошлое стремление собственным онтологическим нигилизмом верховного и регионального субъекта управления полностью детерминировать не только деятельность, но и результаты развития социума, объективно препятствует преодолению кризисных явлений и затрудняет переход общества от экстенсивного роста к интенсивному качественному развитию.

Субъект управления, намереваясь подчинить инициативы индивида и социума, воспроизводит субъект-объектные линейные схемы развития и порождает цивилизационный конфликт, восходящий к противоречию либерально-монетаристской доктрины и отечественной политико-экономической и социокультурной традиции. Индивиды и локальные территориальные сообщества, в стремлении мирно разрешить противоречие должного и сущего, стремятся действовать как самостоятельная единица социального, отчуждая субъект-объектную гносеологию внешнего управления.

Агрессивное утверждение в обыденности умозрительного социального проекта не только вызывает протест, но и возвращает общество в еще более архаизированное состояние, не только по отношению к собственному прошлому, но и социальной практике постмодерна в целом. Необходимость позитивных перемен раскрывает актуальность постиндустриального проекта для России, жаждущей возможности свободы в нелинейности и спонтанности социальных процессов.

В условиях постмодерна, как одно из фундаментальных оснований демократического общества, особую ценность приобретает доступность достоверной информации. Наличие таковой повышает эффективность диалога властного субъекта и граждан, обеспечивает качество управления, утверждает самоупорядочение, самоорганизацию и самоуправление в качестве оснований саморазвития общества. Недостоверная фрагментарная информация мифологизирует и мистифицирует массовое и индивидуальное сознание граждан, разрушает систему ответственного управления и объективно препятствует прогрессу.

Практика посттоталитарной России выражает сущность разрыва во времени требований постиндустриализма и содержания знаний и умений управленческого персонала, что опосредуется взаимовлиянием объективных причин, выраженных в изменении макроэкономического контекста, и причин субъектного порядка, раскрывающих неравномерность освоения управленцами методики и техники новой культуры управления. Неравномерность усвоения и освоения новых норм и технологий выражена в противоречивом сочетании в деятельности управления элементов различных культурных парадигм – бюрократизма, патерналистского централизма, фратерналистского партнёрства, демократизма и этатизма, что затрудняет анализ качества культуры управления и выявление меры соответствия последней вызовам современности. Определение качества персонального участия в осуществлении управления и уровня личной эффективности и ответственности также становится невозможным без учёта функциональных различий как своеобразного индикатора места и роли индивида во внутренней структуре органа управления.

Корреляция уровня персональной ответственности и роли работника в структуре органа управления позволяет выявить меру эффективности исполнения служебных обязанностей и служебных ролей. Оценка качества управленческого труда, выполняемого в соответствии с должностной инструкцией, раскрывает содержание дихотомий «цели-должность» и «функции-должность», что позволяет коррелировать эффективность труда и содержание работы управленца. Но обозначенные возможности отражают в себе результаты линейных субъект-объектных связей управления и точность в трансляции и исполнении команд руководимым объектом, что социально значимо для классической парадигмы, в рамках которой властный субъект для реализации приказа выделял и необходимые ресурсы. Изменение макроэкономического контекста общества сделало указанные схемы нефункциональными [9].

Общество посттоталитарной России по-прежнему испытывает влияние предшествующей культурно-исторической традиции. Система управления по-прежнему дифференцирована на противостоящие объект и субъект: последний стремится детерминировать управляемое сообщество в соответствии с собственными гносеологическими схемами. Восприятие объекта управления как безусловного исполнителя обуславливает текущее восприятие сущего и линейность направленности в отражении и интерпретации его потребностей и интересов, сконструированную как результат взаимовлияния субъектов управленческого взаимодействия различного уровня. Субъект управления не всегда учитывает изменение содержания социально-экономического контекста, что в условиях отсутствия необходимых для исполнения команды ресурсов вызывает со стороны объекта решительный протест и противодействие. Очевидно, что прежняя бюрократическо-централистская культура управления, в условиях нелинейности и неравновесности социальных связей и процессов постмодерна, являет анахронизм. Четкое разграничение властных полномочий, строгая функциональность при распределении ролей, узкая специализация работников управления были возможны в условиях господства распределительных отношений, когда субъект управления подкреплял собственную команду ресурсами, достаточными для её исполнения. Известная консервация субъект-объектных линейных связей в управлении и стремление

сохранить распределительные механизмы не только противоречит потребностям общества, осуществляющего постиндустриальный проект, но и выводит его на путь регрессивного развития.

Практика российских трансформаций демонстрирует классическую проблему управления: управляемому объекту – низам – недостаточно имеющихся ресурсов и они отрицают ценности новой формации, детерминированные верховным властным субъектом, субъект управления – верхи – испытывает острый дефицит актуальной и достоверной информации об умонастроениях народных масс, что побуждает его принимать некие иллюзорные решения, не имеющие отношения к реальным потребностям и интересам общества. Индивиды и их сообщества, не встречая в деятельности властного субъекта ответа на реальные проблемы жизни и защищая собственные интересы, самоизолируются и формируют субкультуры. Указанные проблемы не только отражают противоречие должного и сущего: здесь мы имеем дело с противоречием линейной и нелинейной парадигмы управления, воплощающей стремление личности эпохи постмодерна действовать в условиях неравновесия на основании собственных гносеологических схем и под собственную ответственность. Стремление субъекта управления прокламировать противоречия и конфликты как проявления иррациональности, нарушающей его упорядочивающую деятельность, снижает возможности самоупорядочения и саморазвития социума [11].

Общество постмодерна имеет в основании систему коммуникаций, сущность которых раскрывается в нелинейности самоупорядочения, самоорганизации и самоуправления равномогущих и равноответственных субъектов. Прежние гносеологические схемы этатизма, бюрократизма и патерналистского централизма, постоянно воспроизводящие линейные субъект-объектные отношения, ставят перед управляемым социумом требование исполнительности как главное, ожидаемое и должное качество подчиненного, молчаливо выполняющего любое управленческое решение. Восприятие управляемого объекта как исполнителя в посттоталитарную эпоху детерминировано сохранением валового подхода к когнитивному капиталу в экономике и социальном развитии. Следование указанным нормам и выполнение приказов воплощает меру эффективности линейных субъект-объектных схем управления и объективируется в качественном и своевременном отчете о выполнении внешнего приказа или требований должностной инструкции. Каждый участник коммуникаций управления в конкретной ситуации профессионального взаимодействия вынужденно выступает в единственной роли: либо отдающего команду, либо её исполняющего. В условиях линейности субъект-объектных связей смешение указанных функций дезорганизует процесс управления и порождает деструктивные последствия. Нерассуждающая исполнительность, с другой стороны, выступает показателем лояльности участника деятельности и индикатором меры легитимности властного субъекта [12].

Культура как таковая обеспечивает воспроизводство социальности в целом и преемственность общественных связей. Обладая механизмами воспроизводства, выраженными в так или иначе выделяемых, организуемых и предъявляемых нормах, культура воспроизводит социальность прерывно и нелинейно. Система управления заимствует правовые и культурно-организационные нормы, позволяющие обществу осуществлять контроль за их исполнением как непосредственно в рамках национальной культурной традиции, так и опосредованно через специальные ритуалы или институты. В процессе осуществления управления в обществе выделяются группы, вырабатывающие и принимающие решение, контролируемые и контролируемые группы и группы, отдающие приказы и исполняющие управленческое решение. Рост специализации и профессионализации управленческой деятельности до недавнего времени воплощался в утверждении обособленности культурных норм системы

управления, что вело к усложнению социальных норм в целом и повышению уровня дифференциации функций управления.

Гражданское общество рационального государства и режим полиархии кардинальным образом преобразуют институциональное содержание норм культуры управления: нормотворчество и нормоприменение утрачивают атрибутивность института формального права и в деятельности самоупорядочения, самоорганизации и самоуправления восстанавливают свою естественную природу.

Общество России с трудом преодолевает прежнюю советскую ментальность частичного индивида-иждивенца, о котором заботится государство. Возвращение индивида в среду реального имеет острейший социальный смысл. Инструменты преодоления глобализирующегося отчуждения немногочисленны: важнейшими из них являются реальный сектор производства, самоорганизация, доступность достоверной информации и постоянный диалог граждан и власти.

Производство как практическая система преобразования и познания природы и общества в многомерных взаимодействиях человека и природы, человека и общества производит и воспроизводит онтологические связи индивида и реального бытия. Феномены материальной и духовной культуры, жизненные ресурсы и информацию невозможно создать из элементов виртуального пространства. Вещество природы создает ресурсную базу развития социума и основания сопротивления возможному онтологическому поражению.

Самоорганизация, соответственно, основываясь на самоупорядочении и самодеятельности социальной материи, позволяет преодолеть нарастающее глобальное развеществление мира. В нелинейных связях неравновесности свободной деятельности индивиды в обыденности постоянно производят и воспроизводят источники прорыва к онтологической реальности [1].

В системе глобальных отношений производство утрачивает социально-упорядочивающую сущность, ибо, с точки зрения обеспечения максимально возможной гарантированной прибыли, природно-онтологические связи экономики рефлексированы как анахронизм. Человека-функцию эпохи модерна глобальное производство стремится заменить «экономически чистым» человеком, не имеющим отечества, устойчивых социальных связей и ориентиров. Но прогресс невозможен вне суверенной единицы социального, способной к деятельности на основании собственных гносеологических схем. Тотальной экспансии глобального, таким образом, противостоит спонтанность индивидов, выраженная в способности к самоорганизации и самоуправлению, вытесняемая в непроизводственную сферу [7].

Носителем тенденций прогресса является свободный и активный индивид, преодолевший частичность индустриализма в целостности суверенного субъекта бытия. В условиях постмодерна особое значение обретает активность среднего класса как доминирующей социальной группы, чья самостоятельность утверждена правовыми, экономическими и социальными основаниями. Средний класс – категория экономическая, принадлежность индивида к которой, согласно нормам международного права, определяется совокупным среднегодовым доходом на одного члена семьи в объеме не ниже двадцати тысяч долларов. В трансформируемой России, по данным действительного члена РАН Д. С. Львова [8, С. 233–256], указанным доходом располагает не более 4,8 % населения – в нашей стране средней класс, таким образом, практически отсутствует [2, С. 20–29].

Еще одним серьезным онтологическим заблуждением субъекта управления можно назвать упование на всемогущество рынка, который априори утверждает глобальность самоупорядочения в том числе и социальной структуры общества. Американский

исследователь Лестер Туроу достаточно давно обосновал, что средний класс возникает не как результат действия рынка, а создается целенаправленной законодательной деятельностью левоцентристских демократических правительств [13, С. 72–78]. Механизм, определяющий характер социального развития и утверждающий стабильность общества и государства, основывается не на мифологии гражданского общества, а возникает в публичной сфере в процессе взимозаинтересованного диалога и равноответственности граждан и власти. Ошибочно полагать, что гражданское общество автоматически создает средний класс и утверждает публичную сферу. Либерализм вне субъектности единицы социального превращает публичную сферу в маркетинг, а общественный диалог – в предвыборную рекламу.

Глобализация стремится к освобождению онтологически значимых актов от необходимости быть привязанными к реальной жизни, что усиливает отчуждение индивида, который не идентифицирует себя с единицей социального и локальным территориальным сообществом, но стремится заявить о причастности к глобально-ирреальному миру. Преодоление глобалистического нигилизма и возвращение индивида в среду реального бытия имеет, таким образом, не только философскую актуальность, но и важный социальный смысл. Инструменты преодоления глобализирующегося отчуждения немногочисленны: это средний и мелкий бизнес, действующий в сфере реального производства, и самоуправление локальных территориальных сообществ.

Самоуправление как высшая форма самоорганизации, имеющей собственную логику познания сущего и средства оценки единицы социального, противостоит технократии верховного субъекта управления, стремящегося детерминировать жизнь личности и общества. Самоуправление как результат нелинейности развития и спонтанных инициатив индивидов раскрывает самоорганизующуюся природу индивидуальных и коллективных сущностных сил человека, создающих необходимый для прогресса ресурс надежности социальной среды. Гражданское общество утверждает равноправие всех общественных субъектов, выражаемое в их равномогущности как единицы социального. Институт самоуправления в наиболее непротиворечивой форме обеспечивает право равноучастия индивидов в выработке, обсуждении и принятии решений и осуществлении контроля за их исполнением.

В децентрализованной экономике показателем эффективности самоуправления по отношению к гносеологическим схемам верховного властного субъекта становится результативность малого и среднего бизнеса и массовость участников спонтанных недетерминированных самодеятельных акций и объединений. Участники производства в сфере малого и среднего бизнеса объективируют самоуправление в системе экономических отношений, демонстрируя не только стремление утверждать непосредственно-общественные связи живого труда, но и большую мобильность и высокую эффективность по сравнению с государственно-монополистическим капиталом глобальных корпораций. Мелкий и средний бизнес как выражение самоорганизации индивидов в сфере производства и распределения более эффективен по сравнению с монополией и олигополией, олицетворяющей гносеологию верховного властного субъекта в экономике. Это превосходство выражено в повышении качества продукции и фондоотдачи и снижении ресурсоемкости производства и себестоимости продукции. Темпы экономического и социального развития общества, следовательно, прямопропорциональны мере соотношения схем управления и самоуправления в системе реального производства. Не менее активны и социально мобильны спонтанные объединения индивидов, возникающие нередко вопреки политической воли субъекта управления [15].

Субъект управления, воплощая линейные связи субъект-объектного типа иницируемые извне, в стремлении доминировать, навязывает обществу и индивиду собственную гносеологию. Самоорганизация, не отрицая необходимости единого управляющего центра,

хотя и обладает заведомо меньшей ресурсной базой, избирает нелинейные схемы субъект-субъектного содержания и стремится к диалогу не только с партнерами, но и властным субъектом. В условиях постмодерна локальное территориальное сообщество, малый и средний бизнес объективируют самоуправление, саморазвитие и прогресс в целом. Большой бизнес монополий и олигополий, зависящих от управляющего субъекта и государственных ресурсов, воплощает, соответственно, экспансию, насилие и регресс.

Сущностное различие управления и самоуправления выражается, таким образом, не только в мере близости к ресурсам государства или степени свободы, но, прежде всего, в способности создавать основания саморазвития индивида и социума. Саморегуляция в труде и быту при условии достаточного ресурсного обеспечения жизни и деятельности человека возвышает единицу социального до уровня свободного и суверенного индивида, воплощающего в практике собственные гносеологические схемы [7].

Самоуправление утверждает социум как самоупорядочивающуюся и самоусложняющуюся нелинейную и неравновесную систему. На место прежнего частичного индивида и упорядоченной структуры, утвержденных внешней системой детерминации, приходит качественно иная организация социума, которая на условиях саморационализации, самоорганизации и самоуправления наиболее полно учитывает потребности социального развития.

Практика современной России свидетельствует, что противоречия неразвитости гражданских формаций в наиболее острой форме находят своё воплощение в институте самоорганизации, как в правовых основаниях его деятельности, так и в реальном осуществлении права граждан на самоуправление. Источником утверждения отношений самоуправления в правовом государстве, как свидетельствует практика устойчивых демократий, выступает социальный конфликт. Россия здесь не исключение. Но если в странах Западной Европы этот конфликт «снят» в гегелевской постановке проблемы, то Россия не имея опоры в экстенсивном экономическом росте, пока не в состоянии решить эту проблему – социальный конфликт в «отложенной» форме наглядно воплощается в функционировании местного самоуправления и подмене его местным управлением. Яркий пример подмены должного сущим дают Комитеты территориального общественного самоуправления (в дальнейшем КТОСы) Омска: органы общественного самоуправления локального территориального сообщества, призванные согласно Конституции и регионального законодательства действовать под собственную ответственность, не имеют в распоряжении важнейшего инструмента исполнения решений – собственного расчетного счёта.

Местное самоуправление в его российской версии согласно парадигме имеющихся в стране правовых оснований являет «остаточную категорию», ибо в большей степени раскрывает намерения субъекта управления, чем отражает действительное положение дел [10, С. 61]. Глава 8, посвящённая местному самоуправлению в современной Конституции России, сосредоточила сложнейшие противоречия прокламируемого социального государства и реально сложившейся суперпрезидентской республики, практика которой утверждает бюрократию как самостоятельный политический субъект [5, С. 29–31]. Прокламмирование местного самоуправления как реального института составляет логическую лазейку в тексте действующей конституции, что позволяет субъекту управления отказаться от социальной ответственности за качество жизни населения страны. В реальности мы наблюдаем повсеместную зависимость местного самоуправления от «доброй воли гражданского общества», воплощенной в понимании руководителями крупных предприятий, действующих на территории, справедливости и целесообразности поддержки местных инициатив.

Общество как открытая нелинейная неравновесная система даже при отсутствии

обратной связи с субъектом управления не утрачивает способности самоупорядочения и самоорганизации, что качественно изменяет содержание социальных процессов. Причём происходит всё это не из-за изменения констант среды, а как результат саморазвития процессов в ней. Эффективное управление, таким образом, невозможно без обратной связи и вне режима диалога с социумом, ибо практика постмодерна требует учета нелинейности и изменения содержания активности индивида как качественной характеристики действий социума и умения интерпретации происходящего, осуществляемой на макроуровне. Такая позиция открывает выход на решение проблемы несоответствия уровня действия и уровня последствий, совершаемого действия, ибо макроуровневые действия и их результат планируются и оцениваются с микроуровневых позиций [4].

Самоуправление как деятельность трансграничного характера утверждает «ценность человеческого в человеке» не только в значении биологического, социального или информационного, но и нелинейного целостного, что позволит рассматривать ценность индивида и локального территориального сообщества на всех уровнях общественного бытия с позиции «целое в целом». Самоорганизация и самоуправление способны упразднить мистику и мифологию сознания частичного индивида и утвердить его собственную свободу и целостность [3].

Российские трансформации обязаны обеспечить переход общества от саморегулирования как способа выживания индивида к самоуправлению, воплощающему качество саморазвития. Самоуправление, будучи процессом реализации и развития сущностных сил личности на основании собственных гносеологических схем, - содержательно социально, спонтанно и нелинейно. Основываясь на свободе выбора, самоуправление опирается на развитую субъектность индивида и социума, которая раскрывается в стремлении, способности объективно и критически оценивать сущее и умения действовать самостоятельно. Наличие необходимых ресурсов определяет расширенный характер производства и воспроизводства индивидуальных и коллективных сущностных сил, что в условиях достаточного свободного времени позволяет личности раскрыться в единице социального, а обществу перейти от физического роста и вынужденного развития, детерминированного онтологией властного субъекта, к саморазвитию. Самоорганизация и самоуправление позволяют направить социальную энергию граждан на достижение индивидуально и общественнозначимых целей [9].

Саморегуляция в труде и быту при условии достаточно ресурсного обеспечения жизни и деятельности человека возвышает единицу социального до уровня суверенного и автономного индивида, воплощающего в жизнь собственные гносеологические схемы. Сущностное различие управления и самоуправления выражается, таким образом, не только в обеспеченности ресурсами или степенью свободы, но, прежде всего, в мере достоверности актуальной информации, демифологизирующей и демистифицирующей развитие индивида и социума.

Процесс становления культуры управления постиндустриального типа с позиций внутренней детерминации обладает полисубъектностью и многосторонней направленностью. Властность, некогда выступавшая основной характеристикой субъекта управления, в условиях неустойчивости нелинейных и неравновесных коммуникаций постмодерна утрачивает своё значение для реализации общесоциальных или корпоративных задач. Реализация способности и возможности влиять на деятельность и поведение, как отдельного индивида, так и различных человеческих сообществ, в условиях равномошности и равноответственности осуществляется в новых условиях преимущественно в косвенных актах. Для этого используются методы руководства, убеждения или авторитета, а также применяются средства информирования,

агитации, пропаганды, рекламы, идеологического воздействия и формирования общественного мнения. Но нередко в российской практике в контексте повседневного взаимодействия мы сталкиваемся с использованием управления для укрепления и повышения статуса властного субъекта в системах социально-экономических и социально-политических отношений.

Культура управления является результатом взаимодействия деятельностного субъекта с внешней средой, представленной конкретными управляемыми объектами, который на основании общесоциальных или корпоративных интересов образует вместе с ними дихотомию социально-профессионального характера. Система самодетерминации культуры управления с этих позиций, кроме того, включает совокупность внутренних и внешних факторов, которые в собственном взаимодействии определяют характер её возникновения и специфику проявления. Становление культуры управления, отвечающей содержанию социальности постмодерна, предполагает формирование целостной системы «культурных проявлений», включающей нормы, ценности, смыслы и значения нелинейного характера и конвенционально согласовывающую реальность повседневного взаимодействия властного субъекта и объекта, действующего на основаниях самоуправления и саморазвития.

Культура управления посттоталитарной России, осуществляющей постиндустриальный проект как результат гносеологического расширения являет смысловой мир, который в обыденности взаимодействия конструирует субъект и объект управления, действующие на основании нелинейных и неравновесных коммуникаций, смыслов и значений, заданных потребностями социального развития. В контексте субъект-субъектного взаимодействия культура управления – область постоянного диалога и обратной связи народа и власти, объективная институциональность которой является естественной средой осуществления прогресса.

Социальный прогресс нуждается в открытом и активном индивиде, преодолевшем частичность индустриализма и ставшем субъектом бытия. Процессы глобализации освобождают онтологически значимые акты от необходимости быть привязанными к реальной жизни и усиливают отчуждение индивида. Глобалистический нигилизм наиболее активно распространяется в молодёжной среде и нередко получает ответ в форме гипертрофированного чувства национально-самобытного, что воплощается в определённой степени в экстремизме деятельности и поведения. Недостаточный индивидуальный опыт, фрагментарность современного мозаичного образования и недоступность достоверной информации мифологизируют и мистифицируют сознание молодёжи, провоцируя ощущение вседозволенности. Но, как показывает статистика и данные многочисленных социологических исследований, в том числе и проводившихся автором статьи, экстремизм в молодёжной среде – явление редкое. Современная молодёжь осторожна и прагматична.

Достоверная информация является необходимым элементом ответственного управления, ибо, не обладая таковой, субъект управления с неизбежностью совершает ошибки и воспроизводит субъект-объектные связи командно-административного характера, которые направляют общество по пути регрессивного роста. Доступность и достоверность информации является мощным средством управления, обеспечивающим в обществе взаимопонимание и единство. «В таком случае, – пишет Никлас Луман, – непрерывно стимулируемая коммуникация будет формировать в море заявленных осмысленных возможностей островки взаимопонимания, облегчающие в самом широком смысле в качестве культуры вхождение в интеракцию и её окончание» [5, С. 543]. Постоянный диалог верховного властного субъекта и граждан демократизирует и синергизирует социальные отношения, формирует новую управленческую культуру, направляя общество по пути прогрессивного развития.

Условием эффективного управления и успешного индивидуального и общественного

развития становится, таким образом, обеспечение для всех граждан равного доступа к достоверной информации, ибо обладание таковой утверждает суверенность индивидуального и общественного сознания и создает реальную преграду проявлениям регресса и онтологического нигилизма, в том числе и в сфере культуры управления.

Выводы. Анализ практики управления и самоуправления в посттоталитарной России даёт основания для вывода о культуре управления как о некоей внешней данности, обладающей по отношению и к управляемому объекту, и по отношению к нижним структурам властной вертикали детерминирующей и, нередко, репрессивной силой. Указанная особенность управления объективно способствует консервации морально устаревших отношений и воспроизводит элементы социального застоя.

Процесс утверждения нелинейного и неравновесного культурного кода системы управления выражен в деятельности присвоения и освоения новых смыслов, значений и норм и интерпретации на этом основании собственного практического опыта. Присвоение и освоение культурных смыслов, значений и норм имеет двунаправленный характер: с одной стороны это – деятельность по формированию идеальной модели взаимодействия субъекта и объекта управления; с другой – осуществляется постоянный процесс сравнения идеальной модели с реальностью их обыденного взаимодействия.

Культура управления постиндустриального общества реализуется в спонтанности неравновесной социальной среды, активные субъекты которой руководствуются в собственной деятельности самостоятельными гносеологическими схемами, которые могут противоречить направленности действий властного субъекта. Самоупорядочение, самоорганизация и самоуправление локальных территориальных сообществ, самодеятельных объединений граждан, отдельных индивидов и социума как такового утверждает субъект-субъектные связи равномогущих и равноответственных акторов. Несмотря на определённые успехи строительства гражданского общества России, мы по-прежнему сталкиваемся с многочисленными фактами детерминации субъектов деятельности и реализации в управлении линейных субъект-объектных схем. Воспроизводство парадигмы командно-административного управления в условиях сокращения объема ресурсов, контролируемых верховным властным и региональными субъектами, с неизбежностью ведёт к нарастанию агрессивной конкуренции и провоцирует раскол общества.

Процесс становления культуры управления постиндустриального типа демонстрирует наличие нескольких противостоящих типов единицы социального в современной России, которые олицетворяют в своей обыденности тенденции прогресса и регресса. Единица социальной системы прогресса действует спонтанно и нелинейно на основании собственных гносеологических схем, собственных ресурсов и под собственную ответственность. Её деятельность основана на принципах самоупорядочения, самоорганизации и самоуправления, что утверждает в обществе субъект-субъектные связи и отношения солидарного сотрудничества равномогущих и равноответственных акторов. Это, прежде всего, самоорганизующийся и самоуправляемый малый и средний бизнес, самоуправление локального территориального сообщества и иных самодеятельных объединений граждан по месту жительства, самоорганизация творческих союзов, любительских и некоммерческих объединений, профессиональных союзов и иных самообразованных сообществ, имеющих самостоятельный характер. Единица социального представленного типа олицетворяет прогрессивное и объективно способствует утверждению в России гражданских институтов и демократических отношений, систем правового государства и социально-рыночных связей в национальной экономике.

Иными характеристиками обладает единица социального, воплощающая в собственной

деятельности субъект-объектные отношения прежних эпох. Она представлена крупным бизнесом, конкурирующим между собой за близость к распределяющему ресурсу и привилегии субъекту управления, чья деятельность детерминирована и содержательно линейна. Единица социального линейного типа воплощает в собственной деятельности регрессивное развитие [11].

Общество трансформируемой России для успешного осуществления постиндустриального проекта нуждается в утверждении культуры управления нелинейного типа, воплощающей в себе демократизм самоупорядочения, самоорганизации и самоуправления индивида и социума.

Список использованной литературы:

1. Бранский В. П. Глобализация и синергетический историзм / Бранский В. П. – СПб. : Политехника, 2004. – 400с. ; Бранский В. П. Синергетическая философия истории / В. П. Бранский, С. Д. Пожарский. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2009. – 314 с.
2. Потребление по-русски / Бурмистров П., Великовский Д., Гребцов И., Дятликович В. // Русский репортёр. – 2008. – № 34.
3. Ершова-Бабенко И. В. Методология исследования психики как синергетического объекта / Ершова-Бабенко И. В. – Одесса : ОДЭКОМ, 1992. – 124 с. ; Ершова-Бабенко И. В. Психосинергетические стратегии человеческой деятельности (Концептуальная модель) / Ершова-Бабенко И. В. – К. : Нова книга, 2005. – 368 с.
4. Князева Е. Н. Синергетика. Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М. : КомКнига, 2011. – 272 с.
5. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации. – Новосибирск : РИФ плюс-книга, 2004. – 32 с.
6. Костин В. И. Национальная безопасность современной России: экономические и социальные аспекты / В. И. Костин, А. В. Костина. – М. : Либроком, 2013. – 344 с.
7. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Луман Н. – СПб. : Наука, 2007. – 644 с.
8. Львов Д. С. Экономика развития / Львов Д. С. – М. : Экзамен, 2002. – 512 с.
9. Милованов В. П. Синергетика и самоорганизация / Милованов В. П. – М. : Либроком, 2010. – 224 с.
10. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.
11. Салохин Н.П. Социальные основы местного самоуправления: роль, состояние и особенности реализации / Салохин Н.П. – СПб.: Глаголь, 1997. – 126 с.; Салохин Н.П. Самоорганизация и самоуправление в онтологии общества России. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2008. – 272 с.; Салохин Н.П. Самоуправление: онтологическое, гносеологическое, социальное / Салохин Н. П. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2007. – 184 с.; Салохин Н.П. Становление самоуправления в трансформируемой России / Салохин Н.П. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2008. – 344 с.; Салохин Н. П. Социально-синергетическая парадигма управления и самоорганизации в онтологии общества России /Н. П. Салохин// Организационно-управленческие аспекты экономического развития предприятий и регионов : сб. научных трудов. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2011. – С. 114 – 131; Салохин Н.П. Самоуправление: социальные, онтологические и гносеологические аспекты / Салохин Н.П. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2011. – 360 с.
12. Тоффлер Э. Революционное богатство / Элвин Тоффлер, Хейди Тоффлер. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 569 с.
13. Туроу Л. Будущее капитализма / Туроу Л. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1999. – 431 с.
14. Хайек Фридрих Август фон. Дорога к рабству / Хайек Фридрих Август фон ; пер. с агл. – М. : Новое издательство, 2005. – 264 с.
15. Эрхардт Л. Благосостояние для всех. Репринт. Воспроизведение / Эрхардт Л. – Минск : Начала-Пресс, 1991. – 335 с.

